

Особенности организации пространства в белорусской лирике 1960–70 -х гг. (на примере творчества Алексея Пысина)

Творческий взлет одного из самых талантливых белорусских поэтов XX века Алексея Пысина (1920–1981) приходится на период 60–70-х гг. В национальном литературоведении это время характеризуется «наиболее полным проявлением... «космизма» поэзии, «планетарности» ее мышления» [Городницкий, 1986: 14]. Лирике 1960–70-х свойственно наиболее сильное, в сравнении с предыдущими годами (конец сороковых – начало пятидесятых), стремление выйти из замкнутого пространства риторических произведений, что объясняется изменениями в социально-политической атмосфере (так называемая «оттепель» конца 1950-х – начала 1960-х гг.), а также влиянием технических достижений человечества на творческое сознание белорусских писателей. Эти внешние факторы, безусловно, повлияли на характер восприятия и осмысления пространства в поэтических произведениях.

Цель нашего выступления – на примере лирики А. Пысина выделить особенности организации пространства в белорусской поэзии 1960–70-х гг.

Главные характеристики художественного пространства А. Пысина – открытость, направленность и движение – задает вертикаль, воплощенная в соотношении «земных» и «небесных» образов. Для поэта в некоторой степени притягательными являются пространственные атрибуты неба: Млечный Путь («Адпачынак»), *сузор'е Нетутэйшых Ганчакоў* («Чуцен брэх сабачы на узмор'і...») над лирическим героем, звезды, «дозревающие» над могучими дубами («Ступае мора пругкаю ступою...») и т. д. Небо практически всегда (даже в стихах военной тематики) находится в поле зрения лирического героя, который занимает позицию на земле:

Снег раставаў. Звінелі ў небе птушкі,

І зелянеў абпалены дзірван.

І сувязіст з напоўненай катушкі

Надтачваў на хаду мерыдыян. [Пысин, 1989: 131]

Тяготение к небу как возможности ощутить вертикальную открытость пространства свойственно белорусской поэзии в целом. В начале XX столетия национальные классики

Максим Богданович, Янка Купала соотносили небо с символом освобождения, расширения субъективного пространства героя: *Мая душа, як ястраб дзікі, / Што рвецца ў неба на прастор*, – писал Богданович в 1910 году.

В 1960–70-е гг. интерес к пространству «верха» во многом обусловили события, связанные с освоением космоса человеком. Вследствие этого небо стало своеобразной ареной действий в поэзии: лирический герой оказался способным подняться до ранее недостижимых высот, изменился его взгляд на пространство. Во многих произведениях появились образы *планеты, шара земного*:

Плаўна круціцца наша планета

Пад наведзеным промнем касым.

Ўсё, што пройдзена,

Ўсё, што прапета, –

У вітку засталася зямным. [Пысин, 1989: 211]

В этих строках А. Пысина очевидна и особенность восприятия времени лирическим героем: время словно сужается, если смотреть на него с космической высоты, рождается тесная взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего. И поэт продолжает: *Чутна ўсё – / Ад капытнага стуку / Да узлёту касмічных ракет*. Современник А. Пысина Аркадий Кулешов очень точно передал такое ощущение «сжатости» исторического времени с помощью пространственной характеристики: *Стаю... / На паўмільярдным кіламетры, / Паміж наступным і былым* [Кулешов, 2003: 79].

Таким образом, в лирике А. Пысина и белорусской поэзии 1960–70-х гг. пространство характеризуется открытостью в вертикальном направлении. Однако для авторов, чье национальное мышление ориентировано «на синтез... земного пространства – с внутренним пространством человека» [Шамякина, 1993: 336], было невозможно полностью «умчаться» в небесные дали. И чем больше их увлекало пространство «верха», тем чаще возникала мысль о необходимости не отрываться от земли. В 1961 году известный белорусский поэт Максим Танк с тревогой писал: *Чую, як міжзорныя ракеты / Пралятаюць недзе нада мной... / Можна, мы – апошнія паэты, / Што вось так цікавяцца зямлёй?* [Танк, 2003: 204].

В поэзии А. Пысина лирический герой также ощущает сильное притяжение к пространству «низа», создается даже впечатление некой оппозиции «земля – небо», формулирующейся непосредственно в высказываниях героя: *Думы, думы – заадно з нагамі – / Да зямлі, ўсё да зямлі. / Да зямлі – і думкамі, і зрокам, / Хоць жывуць нябёсы ў вачах* [Пысин, 1989: 254]; *Узараны нябёсы густыя, / Толькі думы усе – аб зямным* [Пысин, 1989: 169]. В этом случае земля и небо наполняются совсем не пространственным содержанием:

небо получает значение сверхромантической абстракции, оторванной от окружающей действительности, от современности, а земля отождествляется с памятью о крае детства, об умерших и погибших на ней близких людях, наконец, земля – это реальная жизнь, мир, в котором существует обычный человек со своими тревогами и заботами, с прошлым и будущим. *Дарога гулкая напята, / Але яе не адарваць / Ад той зямлі, дзе ўсё пачата, / Дзе родных мне магіл багата, / Дзе можна жыць і паміраць* [Пысин, 1989: 320], – утверждает А. Пысин.

Такое осмысление и притяжение к земле было свойственно и русским поэтам периода 1960–70-х гг.: Александру Межирову, Евгению Винокурову, Борису Слуцкому – военному поколению авторов, к которому обычно относят и А. Пысина. Как отмечают исследователи, для творчества поэтов-фронтовиков в целом характерны «подчеркнутая заземленность, предельная реалистическая конкретность», «стремление не отрываться от земли, от всего, что далось нелегким опытом» [Зайцев, 2004: 27] в годы Второй мировой войны.

Тем не менее в поэтическом пространстве А. Пысина оппозиция «земля-небо» не является доминирующей. Ей на смену приходит сближение образов «низа» и «верха», в котором выражается желание поэта достичь гармонии в мире. Земля и небо представляются А. Пысину едиными, по закону диалектического единства противоположностей, элементами целостного пространства. Такой взгляд выражается и в поэзии 1960-х гг. Аркадия Кулешова, который видит в человеке организатора мировой гармонии: *Я – трэці свет, я кропелька малая / Тых светаў двух – гучыны чалавек, / Што неба і зямлю ў сабе змяшчае / І ў свет адзін злучае іх навек* [Кулешов, 2003: 87]. Аналогичное восприятие человека характерно для литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса: для него человек – это *мост между землей и солнцем*.

В лирике А. Пысина синтез «низа» и «верха» достигается через изображение предметного мира, движущегося ввысь. Одним из главных образов, которому свойственно вертикальное движение, является дерево. Береза *рачулкай у неба льецца* [Пысин, 1989: 329]; яблони *ярусамі пладоў* поднимаются к звездам, *сцвярджаючы, што дол і высь суседзі* [Пысин, 1989: 214]; сосна *птушыная ў палёце* [Пысин, 1989: 260] также к небу. В художественном мире автора очевидны отголоски поэтического мифа древних славян о Всемирном Древе как “универсальной концепции мира” [Шамак, 2003: 70]. В одном из произведений дерево воспринимается как своеобразная ось, на которой держится гармоническое единство земли и неба: *Трымціць над берагам сасна, / Нібы чатыры небасхілы / Трымае на плячах адна* [Пысин, 1989: 93].

Переосмысление мифологических символов в контексте индивидуально-авторского пространства – характерная черта белорусской поэзии 1960–70-х гг. И в первую очередь это касается символа дерево и более широкого – лес. Лес – основная стихия белорусской природы, один из главных видов местного ландшафта. Это «опознавательное» для страны пространство (в России, например, такую роль выполняет степь), которое в истории национальной культуры представлялось замкнутым [Гаранин, 1996: 173].

В интерпретации А. Пысина лес становится мировым центром для лирического героя, местом самоуглубления, самовыражения, где он в наибольшей степени ощущает твердость земли и близость неба. В лирике поэта это пространство не замкнутое, наоборот, оно открыто и, прежде всего, в вертикальном направлении, что выражается в «полете» деревьев *атлантамі ў неба* [Пысин, 1989: 337].

Лирический герой поэта занимает определенное место в пространстве леса, чаще всего это опушка или лесной рубеж. В стихотворении «А я на лясным рубяжы...» позиция на стыке леса и поля открывает пространство не только в вертикальном, но и в горизонтальном направлении: герой видит и землю, и лес, *і неба, і ўсе наваколле* [Пысин, 1989: 265]. Такое положение метафорически подчеркивает состояние души: ощущение единства со всей природой: *А я на лясным рубяжы. / Прасека. Валун пад сасною. / Так пружка маё і лясное / Сплялося ў прыціхлай душы* [Пысин, 1989: 264].

Пространство леса в поэзии А. Пысина становится сакральным, имеющим выход в вечное, сверхдуховное пространство. В лирическом произведении «Туркоча дзікі голуб на сасне...» герой именно в лесу срывается от реального, обыденного времени и пространства:

Ўсё лес і лес.

Далёка гул палёў,

Дарожны пыл, спяванне рэек.

.....

Адчулася – як быццам бы адзін

Застаўся я на белым свеце,

Мяне забылі нават дзеці,

І я нічый ні друг, ні брат, ні сын. [Пысин, 1989: 271]

В таком специфическом состоянии пространственно-временной отрешенности пысинский герой осознает себя частицей необъятного временного течения, улавливает в душе *боль продкаў* [Пысин, 1989: 271], прадедов, которые миллионы лет назад стояли, возможно, в этом или другом лесу. Герой оказывается способным приоткрыть занавес, за которым скрыта тайна вечности, постичь *сэнс вечнасці, пах яе, колер* [Пысин, 1989: 265].

Сакрализация пространства леса характерна для белорусской лирики 1960–70-х гг. В произведениях Аркадия Кулешова лес – это *векавыя нетры* [Кулешов, 2003: 79], место, где, под кукование вещей птицы, есть возможность почувствовать себя частью вечности. У Максима Танка лес – это *спрадвечна зелянеючая кніга*, творческое пространство, субстанция, в которой рождается настоящая поэзия. ...*Прыходжу з пушчы позна / З бярэмам новых сваіх песень, казак* [Танк, 2003: 232] – это самый важный результат частых блужданий лирического героя по лесу.

Таким образом, к особенностям организации пространства белорусской поэзии 1960–70-х гг. и, в частности, творческого наследия Алексея Пысина можно отнести: открытость в вертикальном направлении; отсутствие устойчивой векторной направленности в вертикальной оси «низ–верх» (одновременное тяготение и к небу, и к земле); сближение пространственных образов «низа» и «верха» с целью передать стремление к гармонии в мире; а также некоторую мифологическую сакрализацию пространства.

Літэратура

1. Гаранін Л. Я. Нацыянальная ідэя ў беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя. – Мінск: Бел. навука, 1996. – 176 с.
2. Гарадніцкі Я. А. Думка і вобраз: Праблема інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 120 с.
3. Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: Учебник / В. А. Зайцев, А. Г. Герасименко. – М.: Высш. шк., 2004. – 455 с.
4. Кулешов А. Дарогі: Вершы, паэмы / Аркадзь Куляшоў; Уклад. В. Куляшовай. – Мінск: Маст. літ., 2003. – 318 с.
5. Пысін А. Збор твораў: У 2 т. – Мінск: Маст. літ., 1989. – Т. 1: Вершы. – 399 с.
6. Танк М. Мне пару крыл дало юнацтва...: Выбр. лірыка / Максім Танк; Уклад. В. Рагойшы. – Мінск: Маст. літ., 2003. – 479 с.
7. Шамак А. А. Міфалогія беларусаў: У 3 ч. – Мінск, 2003. – Ч. 2. – 74 с.
8. Шамякіна Т. Касмасофія і літаратура (Беларускі нацыянальны космас і душа беларуса ў творчасці Якуба Коласа) // Беларусіка – Albaruthenica: Кн. 2. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 335–341.

Summary

Автор доклада Special features of space organization in Byelorussian lyric poetry in 1960–70th (taking works of Aleksey Pisin as the example) исследует отдельные характеристики

пространства в лирике белорусского поэта Алексея Пысина (1920–1981). На основе их делаются следующие выводы об особенностях организации пространства в национальной поэзии 1960–70-х гг.: пространство в произведениях данного периода является открытым в вертикальном направлении; в вертикальной оси «низ–верх» нет устойчивой векторной направленности (тяготение лирического героя одновременно и к небу, и к земле); пространственные образы «низа» и «верха» сближаются с целью передать стремление к гармонии в мире; а также пространству свойственна некоторая мифологическая сакрализация.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ